

бора автора и учитывая только труды на русском языке).

Определенное искажение картины развития советской историографии происходит как от неполного учета литературы, вышедшей до 1988 г., так и от нечеткого осознания определенного рубежа в историографии, наступившего с 80-х годов и ознаменованного, в частности, появлением новых исследовательских центров и изданием их трудов¹⁵, системными исследованиями развития отдельных городов, например Херсона¹⁶, проблем черноморской и византийской торговли¹⁷.

годах XV в.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Тбилиси, 1984.

¹⁵ Например: Византия, Средиземноморье, Славянский мир. М., 1991; Причерноморье в средние века. М., 1991; Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 1986; Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 1988; Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-н/Д., 1989; Северное Причерноморье: (Материалы по археологии). Киев, 1984; Архитектурно-археологические исследования в Крыму. . . ; Восточное Средиземноморье и Кавказ IV—XVI вв. Л., 1988; Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1986 г. Азов, 1987; Итоги исследований Азово-Донецкой экспедиции в 1987 г. Азов, 1988; Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. Азов, 1989.

¹⁶ Например: Романчук А. И. Херсонес XII—XIV вв.: Историческая топография. Красноярск, 1986; Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв.: Проблемы

П. Штрэссле постоянно подчеркивает необходимость типологизации как основного исследовательского метода. Однако существуют различные уровни как методологии, так и методик научного познания, вариативность исторических объяснений, отнюдь не сводимых только к типологическим или структурно-функциональным видам интерпретаций, которые выделяются П. Штрэссле в качестве ключевых¹⁸.

Не всегда логически правомерен и часто применяемый Штрэссле прием, когда он сам формулирует вопросы и ищет ответы на них в трудах, посвященных иным сюжетам, отмечая потом отсутствие адекватных его вопросам решений тех или иных проблем.

Но, как бы ни оценивать конкретные положения книги П. Штрэссле, она безусловно полезна, ибо применяет системный анализ к историографическому материалу, знакомит зарубежную научную общественность с проблематикой и выводами работ многих десятков советских историков и археологов, дает возможность и нам посмотреть с критической стороны на непростой путь развития науки в СССР.

С. П. Карпов

истории византийского города: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. М., 1987.

¹⁷ Например: Карпов С. П. Итальянские морские республики. . . (там же библиография); Хвостова К. В. Некоторые вопросы внутренней торговли и торговой политики в Византии XIV—XV вв. // ВВ. 1989. Т. 50. С. 36—46; и др.

¹⁸ См. об этом подробнее: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 26—41, 230—239.

Balard M. Les Croisades. P., 1988. 213 p.

Книга профессора Парижского университета (Валь де Марн) М. Балара — не традиционная история крестовых походов. Это продуманный терминологический словарь с большими вводными статьями о каждом из походов, библиографическим и хронологическим указателями, генеалогической таблицей иерусалимского королевского дома, картами и схемами. Труд Балара вполне отражает новые подходы к истории крестовых походов не только как к военным экспедициям на Восток, но и как к широкому миграционным движениям, охватывавшим различные, большие и малые, социальные группы на Западе. Автор справедливо возражает против практики употребления все словосочетания «крестовые походы», которым обозначают все что угодно, вплоть до борьбы с саранчой в Африке (с. 9). Для самих участников крестовых походов, впрочем, они были

«пилигримажем», «путем» (iter) в Святую Землю, «экспедицией». Лишь с середины XIII в., уже на закате движения, укореняется термин «крестовые походы».

В книге отражен интерес современной медиевистики к демографической мотивации крестовых походов, к состоянию ментальности общества Западной Европы в ту эпоху. Автор обращается и к традициям Реконкисты, повлиявшим на форму и содержание «пелигримажей» в Святую Землю, к роли эволюции отношений Византии и Запада. Наконец, в поле его зрения оказываются и так называемые «Поздние крестовые походы», направленные в XIV—XV вв. главным образом против турок. Мы вполне солидарны с мнением А. Атийи и М. Балара, что в широком смысле слова крестовые походы завершаются не падением в 1291 г. последних франкских государств в Сирии, а битвой при Лепанто (1571 г.).

Добавим, что такое прямое порождение крестовых походов, как Латинская Романия, существовало еще в XVI и даже в XVII в. Разумеется, и содержание, и форма, и идеология крестового движения существенно эволюционировали, и это хорошо показано автором, обратившимся и к таким феноменам, как «политические крестовые походы», экспедиции, используемые папством в борьбе с их противниками в самой Италии (с. 89—90), крестовые походы против еретиков (с. 114—117) и т. д.

Некоторые из статей словаря представляют собой оригинальные самостоятельные исследования. Это относится, например, к проблемам финансирования походов (с. 103—105), способов обороны Святой Земли (с. 91—95), интерпретации последствий походов (с. 13—14), неоднозначных для Запада и Востока. Прежде всего, справедливо подчеркивает Балар, крестовые походы углубили ров, разделявший христиан и мусульман. И хотя исламские философы и историки не понимали сути крестового движения, интерпретируя его как противостояние рас, а не религий, оно все равно порождало и питало идеи джихада. И если первоначальной идеологией «пилигримов» была ограниченная цель освобождения Гроба Господня, то идеологией джихада, в значительной мере закрепленной крестовыми походами, напротив, была универсальная цель борьбы с немусульманами до тех пор, пока вся земля не будет подчинена аллаху (ср. также с. 96—98, 123—126). Для Византии IV крестовый поход сделал схизму долговременной реальностью. Для Запада сами по себе походы не были расширением горизонтов и встречей цивилизаций. В развитии культуры франкских государств Ближнего Востока не отмечены большие успехи (не совсем так, впрочем, обстоит дело в Латинской Романии, ставшей передаточным звеном многих достижений греческой цивилизации Западу и отчасти элементов латинской культуры византийскому миру в преддверии и в эпоху Ренессанса. — С. К.). Крестовые походы были первым непосредственным и широким участием народных масс Западной Европы в исторических процессах, рождением новой духовности западного христианства, солидаризируется с А. Воше М. Балар (с. 13). Прямые выгоды от них извлекли итальянские морские республики. В Италии долгое время сохранялись традиции и дух крестовых походов (с. 129).

Естественно, что в содержательной, затрагивающей многие аспекты книги Балара имеются отдельные пробелы и неточности. Нет в ней, например, статей о государствах и правителях Латинской Романии. Раздел о госпитальерах не восполняет отсутствие характеристики такого форпоста крестоносцев на Леванте, как Родос. Образ Бонифация Мон-

ферратского (с. 72) обеднен тем, что не упоминается его покровительство трубадурам, участвовавшим, как, например, Раймбаут Вакейрасский или Элиа Кайрель, в IV крестовом походе и написавшим интересные стихотворные произведения о его событиях и последствиях. В разделе о критике крестовых походов нет даже упоминания о спорах в самом войске рыцарей по вопросу об отклонении направления IV крестового похода (с. 84).

Недостаточность личного состава войска крестоносцев на Востоке М. Балар считает главным фактором, обусловившим слабость латинских государств (с. 93). Видимо, такое объяснение без учета сути проводимой крестоносцами политики, имеющихся в их распоряжении ресурсов, международной ситуации (что в какой-то мере отмечается автором в других статьях) все же неполно.

Мнение о коронации в Константинополе накануне его штурма крестоносцами 13 апреля 1204 г. Феодора Ласкаря (с. 43) отвергается в современной историографии. На самом деле императором был провозглашен его брат Константин¹.

Библиография к работе Балара дана в самом суммарном виде, она ориентирует читателя в обобщающих трудах, главным образом на французском и английском языках, и сводах источников. Жаль только, что подчас даже основополагающие труды по тем или иным вопросам опущены. Так, например, не упомянуты книги Б. Цветковой о Варненском крестовом походе 1444 г. (с. 59)², Р. Ляли — о Византии, о государствах крестоносцев в Сирии и Палестине и итальянских морских республиках³; за кадром остается и вся литература на греческом и славянских языках.

Предназначенная как широкому читателю, так и специалисту, книга М. Балара современна и по форме изложения и по трактовке проблем, объяснению фактов, событий, судеб участников и жертв крестовых походов.

С. П. Карпов

¹ См., например: *Жаворонков П. П.* У истоков образования Никейской империи: (Оценка деятельности Константина XI Ласкаря) // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30—37; *Savvides A.* Constantine (XI) Lascaris, Uncrowned and Ephemeral «Basileus of the Rhomaioi» after the Fall of Constantinople to the Fourth Crusade // *Βυζαντινικά*. 1987. Т. 7.

² *Cvetkova B.* La Bataille mémorable des peuples. Sofia, 1971.

³ *Lilie R.-J.* Byzanz und die Kreuzfahrerstaaten. München, 1981; *Idem.* Handel und Politik zwischen dem Byzantinischen Reich und den italienischen Kommunen Venedig, Pisa und Genua in der Epoche der Komnenen und der Angeli (1081—1204). Amsterdam, 1984.